

КИНЕМАТОГРАФ: ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Нея ЗОРКАЯ

НАШ ЧЕЛОВЕК НА ХОНСЮ

В середине 1990-х вдруг по почте из Японии пришла книга в изысканном белом переплете и серебристо-белой глянцевой супер-обложке. Тонкие черные рисунки пером и фото в изящных овалах. Последние-то, единственные, и позволяли предположить, какому предмету посвящена эта очень красивая книга, набранная на рисовой бумаге стройными столбиками иероглифов.

Фотографии оказались кинокадрами—из «Сталкера (зона, на земле спящий Сталкер-Кайдановский, рядом черная собака), из «Жертвоприношения» (дом Александра перед трагическим финалом), выкадровка пляжа, усыпанного яблоками, из «Иванова детства». Иллюстрации в тексте—а в книге 560 страниц!—тоже являли собой кадры из фильмов и биографические фото русского кинематографиста. То есть—сомнений не было—вся книга была об Андрее Арсеньевиче Тарковском.

На последней странице—то есть по японскому порядку на шмуцтитуле, ибо, как известно, японская письменность работает справа налево,—была сделана по-русски дарственная надпись от незнакомого мне имени *The Ogi*.

Это было имя японской киножурналистки и переводчицы с русского языка. А книга в оригинале называлась «Мир и фильмы Андрея Тарковского. Размышления. Исследования. Воспоминания. Письма» (Москва, издательство «Искусство», 1991).

Первый сборник горячих материалов, первый коллективный труд—дань памяти недавно ушедшего на чужбине нашего соотечественника открывал русское «тарковсковедение», далее окрепшее, набравшее силы и количество изданий (одновременно с «Миром и фильмами» рождалась и монография-«первопроходец» пера Майи Туровской). В наши дни видно, что само

по себе снятие табу с имени Тарковского из-за его отъезда на Запад, а также и осуществление столь мощного издательского, как теперь говорят, «проекта» было вестью наступающего неподцензурного времени. Не забудем, что автору «Андрея Рублева» и «Зеркала» ранее были посвящены лишь отдельные немногочисленные рецензии и статьи, что рукопись его книги, которая вскоре выйдет под названием «Запечатленное время» на многих иностранных языках, была отвергнута тем же издательством «Искусство», что определенный «заговор молчания» вокруг выдающегося художника существовал издавна. То, что сегодня кажется само собой разумеющимся и неопровержимым, то есть причастность Андрея Тарковского к рангу классиков XX века, тогда следовало еще доказывать. Чем взволнованно и занимались авторы эссе, статей, аналитических разборов, мемуаров, любовно собранных составительницей книги покойной Анеттой Михайловной Сандлер, страстной поклонницей творчества Тарковского и радетельницей кинолитературы, каковые не переводились по редакциям в советское время—спасибо им и Царствие им Небесное! Неистовая Анетта соединила под единой обложкой Д.С.Лихачева и Чингиза Айтматова, Ж.-П.Сартра, впервые опубликовав на русском его знаменитый текст «По поводу “Иванова детства”», М.Ромма, А.Вознесенского и целую когорту видных кинокритиков тех лет. А ведь книгу надо было «пробивать», режим курирования изданий со стороны ЦК и Главлита еще дышал, пришлось включиться в борьбу боевому новому Секретариату Союза кинематографистов, избранному на бунтарском V съезде СК, благо лидер его Элем Климов был членом редколлегии издания. Не пожалели усилий, чтобы сделать книгу максимально привлекательной, нарядной, богатой, «выбили» мелованную бумагу, предназначавшуюся в ту пору только для альбомных изданий и официоза, поместили в строгий и великолепный колленкорный переплет, талантливые художник и техред предложили неординарный макет. Это было одно из последних свершений доброй памяти киноредакции издательства «Искусство», где трудились В.Демин, В.Забродин, Т.Запасник и другие первоклассные профессионалы,—скоро этот оазис «чистого киноведения» кончит свои дни вместе со своей «alma mater», государственным издательством «Искусство». 50 000 тиража книги «Мир и фильмы Андрея Тарковского» разошелся быстро, ныне это раритет. Книга залетела и на далекие острова Японии.

Перед нами абсолютно иная полиграфическая версия: взамен нашей солидной увесистости—легкость и грациозность, отражение стиля классической японской гравюры. Думаю, что сам Андрей Арсеньевич был бы доволен. Ведь его «японщина» была стойкой. И в почитании Акиры Куроавы, чьи «Семь самураев» и «Расёмон» входили в число его самых любимых фильмов. И в увлечении японскими поэтическими трехстишиями хокку, о которых в «Запечатленном времени» содержатся интересные мысли. И, разумеется, в «Жертвоприношении», где японская составляющая столь значительна, если вообще не главенствует.

Что тут удивительного! *Японское* как источник, как русло, как метод открыл для кинематографа еще С.М.Эйзенштейн. Гений аналитика в препарировании художественной ткани театра Кабуки или графики Хokusai сочетался в нем с восторгом эмоционального зрителя.

Г.М.Козинцев, кто вместе с Эйзенштейном на гастролях Кабуки в 1928 году не пропускал ни одного спектакля, в зрелом возрасте попав в Японию, «изменил» юношескому увлечению, потрясенный суровой эстетикой театра Но. Глава «Японские записи» из посмертно изданной книги «Пространство трагедии», описание спектакля Но, картин Куросавы, сада камней в Киото—поистине вдохновенный гимн стране и ее искусству. Наверное, есть некие особые, специфические причины, почему японское всегда столь привлекательно для русского гения (а, может, и вообще для славянства—вспомним японский синдром Анджея Вайды), может, именно артистизм, четкость, лаконичный эстетизм японского искусства и есть желанная «нехватка» для могучего, размашистого, «неструктурированного» искусства России. Но, разумеется, это требует дополнительных раздумий.

Наше советское кино в Японии всегда было в почете. И ему повезло с верным рыцарем, постоянным пропагандистом. Это—благородный Ямада-сан, один из нынешних старших корифеев киноведения, человек поколения академистов Ежи Теплица, Марселя Мартена, Болеслава Михалека, к счастью—долгожитель, многие десятилетия он открывает своим землякам сокровищницу нашего отечественного кинофонда. Это он выпустил собрание сочинений С.М.Эйзенштейна, написал фундаментальное исследование об авторе «Броненосца Потемкина». Но и современный кинематограф в кругу пристального его внимания. Верный Ямада-сан—постоянный гость российских кинофестивалей. Увидишь, как, скажем, на фестивале в Белых столбах он уже сидит в просмотровом зале улыбающийся, внимательный, доброжелательный, прилетев в январский мороз из далекого Токио, и думаешь: всё в порядке!

И вот теперь еще одна «вольтова дуга»: Япония —Тарковский.

Придаю важное значение выходу книги «Мир и фильмы» на японском языке не только «по личным мотивам», поскольку это послужило моему знакомству с удивительной японкой по имени Тие Оги-сан, о чем расскажу дальше. Но потому, что в самом факте быстрого отклика на весть российского нового времени видится мне продолжение «русско-японских кинематографических связей», а проще—взаимной любви. Именно любовью овевана серебристо-белая книга. А когда мне посчастливилось попасть в Японию, побывать в тамошних кино клубах, встретиться с молодыми кинолюбителями, я убедилась в том, что книга о нашем Андрее Тарковском активно читается, а его фигура является знаковой, олицетворяя новое российское кино. Кто же за спиной нашего Тарковского в Японии, из кого вербуются «кинорусофиль»? Кто это Тие Оги-сан, киновед нового призыва?

Летом 1997 года явилась ко мне домой со списком вопросов по истории советского кино очаровательная молодая женщина с лучистой улыбкой, спортивная, современная, совсем не похожая на некий «тип» иностранного киноведа-славистки—впрочем, замечу попутно, что наши зарубежные коллеги, посвятившие себя российскому кино уж никак не синие чулки, все красивые, женственные, привлекательны—и немка Барбара Швейцхоф, и французки Марилин Феллуз и Франсуаза Наваи, и американки Вида Джонсон, Нэнси Конди или Джейн Нокс-Война. Видно, чтобы освоить русский язык, чтобы полюбить и почувствовать советское (и постсоветское тоже) кино в

Тие Оги в киноклубе

его истинности, а не случайных знаках, чтобы терпеть все трудности и неудобства, связанные с доставанием материала и поездками в Россию, — следует иметь незаурядную натуру, а уж она-то отразится в незаурядной внешности. Оги-сан — так чаще зовут милую Тие в Москве, где она бывает на кинофестивалях и пользуется всякой представляющейся возможностью командировки в Россию. «Без России очень скучаю, всегда жду не дождусь приглашения», — говорит она, смущаясь. Русский язык и русскую литературу горячо любит, изучала в университете. Начала занятия русской филологией с творчества Есенина, по возможности продолжает их и сейчас. К кино пришла по сердечной склонности. Андрея Тарковского боготворит. Этот «визит» стал началом нашей дружбы, переписки, совместной работы,

которые все крепче по сей день, чему я неизменно радуюсь.

Тие-сан рассказала о себе. О своей жизни, скажем прямо, не легкой, хотя насыщенной и увлекательной. Она замужем за своим соучеником по университету, тоже изучавшим русский язык, Оги Синдзиро. Он — хозяин небольшого издательства и скромной полиграфической фирмы в городе Кобе — мощном центре и порте на юге острова Хонсю. «Дело» Оги трудно было бы считать прибыльным «бизнесом», и живет чета Оги в молодом городе Санда, спутнике Кобе, в небольшой и уютной квартирке европейского типа. Тие-сан тоже должна зарабатывать на жизнь, на семью и дом, ведь, общеизвестно, в Японии жизнь не дешева.

Тие-сан и зарабатывает, как это обычно у киноведов и на Западе и на Востоке, преподаванием русского языка в университетах. Быт ее похож на наш сегодняшний, профессорско-доцентский, когда для того, чтобы заработать более-менее нормальную сумму при бюджетной мизерной оплате приходится «перебегать» из одного вуза в другой на протяжении рабочего дня. А лектор Оги-сан должна на занятия выезжать даже в другие города, в Осаку, в отдаленный Киото, благо транспорт в Японии работает превосходно и электрички скоростные.

Конечно, устает! Но никаким заработком не гнушается, с удовольствием переводит российским делегациям и туристам, разъезжая по стране, — языковая практика, говорит она. Ну а поехать в командировку в Россию — праздник! Ездил, например, с юными балетными танцорами, сопровождая их в Вагановское хореографическое училище в Санкт-Петербург. Не только хороший русский язык, но интеллигентность, личное обаяние и способность быстро осваивать незнакомый предмет обеспечивают Оги-сан востребованность — безработица, этот бич для интеллигенции современного мира, ей не грозит. Своим безупречным профессионализмом, заинтересованностью и непод-

купностью Тие Оги-сан завоевала престиж как член жюри международных кинофестивалей в России. Несколько раз она входила в состав жюри фестивалей детского кино, а в 2002-м возглавила международное жюри. Когда красавица-японка в традиционном национальном наряде—в старинном шитом розовом кимоно с ярко-синим тафтовым поясом—объявляла итоги фестиваля, зал приветствовал председателя жюри горячими аплодисментами.

Душа ее, ее профессиональный интерес—кино. Пишет рецензии на фильмы текущего репертуара в газеты. И к тому же можно позавидовать нашей коллеге, она имеет перед нами важное преимущество: Тие-сан постоянно работает в двух киноклубах. Это у нас киноклубное движение, такое распространенное, полезное и плодотворное в 1970–80-х годах, зачехло вместе с деятельностью Бюро пропаганды киноискусства, с кинолюбительским движением. Теперь клубы у нас другие—всякие там фитнес-клубы. Чего уж тут удивляться, когда даже главное культурное пространство экрана—Музей кино подвергнут гонениям? Вот и выходит, что молодежным зрителем целиком завладел «Ночной дозор»!

Так—у нас. А в Кобе—по-другому. Там работает старейший в стране киноклуб. Собрания клуба регулярны, восстановились даже после страшного землетрясения, обрушившегося на этот красавец-город несколько лет тому назад.

Завсегдатаи клуба в большинстве своем молодежь, студенчество, синефилы. Организуются просмотры новейших японских фильмов, приглашаются для встреч и дискуссий их создатели. Вечера-персоналии посвящаются классикам мирового кино в связи с юбилейными датами и годовщинами. Среди кумиров здесь на первом месте Чарльз Спенсер Чаплин, овеянный памятью своего сошествия на берег Кобе во время тихоокеанского плавания кинематографиста, где его восторженно встречали местные знаменитости—на набережной порта Кобе в память об этом событии установлен мемориальный знак.

В клубе богатая фильмотека, собрание киноафиш, галерея портретов—сердце синефила там отдыхает, Голливуд отступает вдаль. Тие Оги-сан—одна из самых упорных активисток и вдохновительниц этого благородного очага культуры

Второй киноклуб, которому она отдает душевные силы, несмотря на перегрузку преподавания и журналистики, является собственным ее детищем. Десять лет тому назад Оги-сан организовала за свой страх и риск клуб кинолюбителей в своем городе Санда. Город—молодой, новостройка в живописных горах, население—преимущественно молодежь. Но потянулись в клуб и старшие, аудитория в возрастном отношении пестрая—и стар и млад. А руководительница поистине «расшибается» для своей паствы!

Так, например, летом 2001 года она устроила для них специализированную поездку в Москву и Санкт-Петербург. Но не думайте, что это обыкновенное туристическое мероприятие, дескать, плати деньги и езжай, отнюдь нет! Членом киноклуба города Санда удалось провести целый день на Мосфильме, где их приняли руководитель объединения Станислав Говорухин и видный продюсер Екатерина Маскина, а лучшие экскурсоводы провели японских гостей по знаменитому мосфильмовскому Музею, по территории

киностудии, полной памяти великих имен и свершений. На Высших курсах сценаристов и режиссеров (ВГИК был на летних каникулах) ознакомились с учебными работами, осмотрели залы и монтажные, а в благодарность устроили для руководства и мастеров свою знаменитую японскую «чайную церемонию». У здания Института кино в Дегтярном переулке увлеченно фотографировались на фоне знаменитой бывшей Частной оперы Зимина, жалели, что здание на ремонте и они не могут проникнуть в интерьеры «офиса кинонаучки», словом погрузились в топографию кинематографической Москвы.

В киноклубе же, руководимом Оги-сан, царит культ Андрея Тарковского. В этом мне довелось убедиться воочию и на месте событий. Это произошло так.

Еще при первой нашей встрече с Тие-сан в Москве гостя обратилась ко мне с лестным предложением. К тому времени (в 1989-м) у меня вышла в нью-йоркском издательстве «Nipprostene Books» книга «Иллюстрированная история советского кино» и разошлась. Была переиздана «дешевым» тиражом и попала в Японию. Тие-сан сказала, что неплохо было бы перевести ее на японский.

Но зачем же с английского?—удивилась я. Двойным переводом, да еще, к сожалению, неровным (переводили двое, и на разном уровне), а к тому же рукопись попала в Америку еще при советской цензуре, предпринявшей обидные купюры (скажем, запрещенного тогда фильма «Комиссар»). Тем более, что у меня есть восстановленная и сильно «продвинутая» вперед версия. Почему же, если уж дело на то пошло, не перевести с оригинала?

Моя собеседница, смущаясь, ответила, что с английского языка у них многие переводят, а вот с русского... Но вот же передо мной сидит живой переводчик с русского!—закричала я. Вот и началась наша с Тие Оги-сан совместная работа над «Историей советского кино», в японской версии.

Что я могу сказать? Что желала бы каждому автору, и в России, и в любой стране, попасть в такой профессиональный коллектив, как посчастливилось мне с переводчицей и строгим редактором—самой Оги-сан, с помощником по печати Сиякэ-сан, с художницей Сатоко Фудзитой, обладающей безукоризненным вкусом и—конечно!—с токийским издательством «Russia eigasha» во главе с пропагандистами нашего искусства господами Ивао Ямануши и Таменори Хаттори. Они издали книгу, уж наверняка не надеясь на прибыль, дорогим и великолепным подарочным изданием в твердом переплете и глянцевого суперобложке с шестью фото-папками по ходу текста. Признаюсь, что и долгожданное отечественное издание этой «Истории», существенно расширенное и переработанное, выпущенное петербургским издательством «Алетейя» в 2005 году (деньги на печать дало наше спасительное Федеральное агентство по культуре и кинематографии) в альбомном формате и с 500 иллюстрациями, даже и оно не превзошло японскую предшественницу.

Вот оно обидное непонимание японских иероглифов! Ведь я, автор, могу только гадать, что там под этой изысканной вязью рисунков-букв таится на 50 страницах комментариев и индексов, набранных петитом. Но больше всего удивляют иллюстрации. Их целиком сделали японцы, без российской помощи. Здесь и хрестоматийные кадры типа «Одесской лестницы» или Веро-

ники у решетки из «Журавлей». Но множество и малоизвестных и вовсе у нас не публиковавшихся, по-видимому, из местных архивов и фототек. Скажу откровенно, что несколько кадров я не смогла идентифицировать (подписи-то не читаются!), вижу, что артисты наши, среда наша, а назвать фильм не могу...

Самый факт публикации книги в кратчайший срок и на высшем уровне, однако, не остался единственным благодеянием японских коллег. Мне предложили выбор: гонорар в валюте или путешествие по Японии. Может ли быть альтернатива? Разумеется, путешествие!

Так солнечной осенью 2001 года мне посчастливилось совершить поездку, о которой можно вспоминать лишь как о счастливом сне. Верная Тие-сан ездила со мной, превзошла все пределы японского гостеприимства. Показав все достопримечательности острова Хонсю, и токийскую старину, и новый потрясающий музей «Эдо», и спектакль Кабуки, и прекрасный Киото с его чудом-загадкой «Садом камней», и все, что полагается повидать европейцу в Японии, и места, куда, может быть, приезжие редко попадают—например, в крестьянский рестораник в глухой глубинке на берегу бурной горной речки, откуда вылавливают форель и сразу кидают, беднягу, на жаровню... В конце тура я жила в доме семьи Оги и работала на маршруте Санда–Кобе.

Там я и попала в киноклубы. Тие-сан попросила меня провести для ее подшефных кинолюбителей просмотр «Иванова детства» с тем, чтобы ответить на вопросы «закадровой жизни» фильма, то есть истории постановки, персоналий и т.д. Это было для меня очень интересно.

Показывали фильм на VHS—оригинал с японскими субтитрами. Я убедилась, что текст картины Тарковского очень хорошо известен собравшимся—лишь немногие смотрели ленту впервые. Вопросы были самые разные, заинтересованные, компетентные. Одна из клубисток, в частности, спросила не без усмешки, почему и в России и на Западе существует мнение-клише, что Тарковский испытал влияние Куросавы, она же, дескать, подобного влияния не видит.

Я, по правде сказать, тоже не могла бы дать формулу такого влияния, пришлось выкручиваться: вижу общность в особой любви обоих мастеров к лошадям и в символике образа лошади на экране.

В киноклубе Кобе мне предстояло сделать обзор кинематографической ситуации в России, она, как назло, была неутешительной. Но я убедилась, что рейтинг нашего киноискусства по-прежнему высок. Что от нас чего-то нового всегда ждут. Забавная частности: незадолго до моего тура в прокате всей страны с большим успехом прошел фильм Ивана Попова «Котенок». Об этой скромной, скорее предназначенной для детской и юношеской ау-

Собрание в киноклубе города Кобе

дитории, но очень живой и милой картине с улыбкой говорили и клубные «зубры». Широкая публика, говорят, особо откликнулась на самую «кошачью» тему: по стране вышел какой-то запрет выводить домашних животных на улицы. А интеллектуалы, как они сообщали в дискуссиях, увидели в «Котенке» русскую доброту и широту натуры. Было приятно: Ваня Попов—выпускник наших Высших режиссерских курсов, а «Котенок»—его диплом.

Но самые дорогие и сердечные японские воспоминания связаны у меня с семьей Оги, с домом, в нем видится мне образ японской духовности.

Старших и младших здесь связывают узы глубокого уважения, взаимопонимания. Злой рок не пощадил этот очаг человеческого благородства, покоя, бескорыстного труда. Никогда не забудется горькая потеря. Единственная дочь Тие и Синдзиро девятнадцатилетней погибла от землетрясения, этого национального бедствия. Это была необыкновенная, сверх-одаренная девочка, писала стихи и оригинальные эссе, отлично рисовала, сочиняла мультфильмы. Поступила в университет поблизости от Санды на факультет японской литературы. Уик-энд провела у родителей и, невзирая на уговоры погостить еще денек-другой, поспешила к началу лекций в понедельник. Там и свершилась беда. Родным кажется, что Аки просто ушла, что она—где-то....

Совсем недавно, летом 2005 года, тихо отошла в мир иной мать Тие, замечательная женщина, поэтесса Танака Митие. Мне довелось побывать в ее доме на окраине Санда—если вы запомнили из фильмов Ясудзиро Одзу японские жилища с их лаконизмом, идеальной чистотой, изяществом,—то это дом Митие-сан. А сад—икебана, выраженная с помощью кустов, карликовых деревьев. До самой своей кончины она не только писала стихи, но регулярно ездила на занятия-собрания, которые вел в Кобе один из крупнейших современных национальных поэтов, она участвовала в ежегодных поэтических конкурсах, волновалась, получала гран-при.

Русское в почете не только у русистов четы Оги. Брат Синдзиро женат на русской молоденькой петербуржке Елизавете. Дочь Синзабуро и Лизы «полукровка» Мэгуми крещена по православному обряду Александрой.

Деликатность, тактичность, вежливость, которые нам порой кажутся нарочитыми и искусственными, входят в тот комплекс, который принято именовать «ментальностью».

Однажды в Японии у нас с Тие-сан вышел какой-то спор. Я настаивала, она упрямилась, и я повысила голос—мы же все всегда друг на друга орем, сами того не замечая.

Тие-сан, которая никогда мне ни в чем не возражала (и зря!), тихо сказала: «В моей жизни на меня еще никто не кричал».

До сих пор краснею, когда вспоминаю этот момент.

Спасибо! Аригато!